

УДК 130.3

**ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКИХ
И НЕКЛАССИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ**

Е. О. Гаврилов

**SOCIALITY PROBLEM IN THE CONTEXT OF CLASSICAL
AND NONCLASSICAL INTERPRETATIONS**

E. O. Gavrilov

В статье показано, что распространенные подходы к изучению общества посредством выделения в нем только одного репрезентативного уровня являются ограниченными. В качестве возможного варианта решения этой проблемы предлагается использовать интегративный подход, реализующий потенциал различных теоретических моделей, ориентированный на рассмотрение любого общественного явления сразу на нескольких уровнях социального.

The paper shows that widespread approaches to studying society by means of allocating only one representative level within it are limited. As a possible the solution to this problem, the author suggests using the integrative approach which realizes the potential of various theoretical models and focuses on consideration of any public phenomenon at several levels of the social at once.

Ключевые слова: социальность, редукционизм, коммуникации, практики, язык, континуум.

Keywords: sociality, reductionism, communications, practitioners, language, continuum.

Эффективность социальных исследований во многом зависит от степени разработанности базовых категорий, которыми пользуются ученые в процессе изучения общественных явлений. Наиболее фундаментальными в этом категориальном ряду являются понятия социальности, общества и т. п. Проблема заключается в том, что несмотря на кажущуюся прозрачность смысла этих дефиниций, несмотря на распространенность этих терминов и в поле естественного языка, и в содержании дискурса специалистов, они оказываются предельно неочевидными и потому требующими своего пересмотра и уточнения. Степень неоднозначности в применении этих речевых операторов настолько высока, что некоторые исследователи призывают отказаться от самого понятия общества и его производных. Такой скепсис мы встречаем у Ф. А. Хайека, который по его собственным словам «дал себе зарок никогда не употреблять слов общество (society) или «социальный» (social)». Он счел нужным сказать об этом специально, «чтобы показать, какой яд таится в нашем языке» [22, с. 188]. По его мнению, слово «общество» «сделалось удобной этикеткой для обозначения фактически любой группы людей, о структуре или же причинах сплочения которой не обязательно что-либо знать» [22, с. 193].

Существует несколько наиболее представительных подходов в трактовке социальности. Дж. Ритцер обозначает их как микроподход, макроподход и интегрированная парадигма [19, с. 415 – 479]. Такого рода терминология – довольно развитая исследовательская традиция (Дж. Ритцер, М. Арчер, Р. Бхаскар, М. Де Ланда, К. Контопоулос, Н. Моузелис). Продолжая ее, О. С. Мантуров выделяет следующие теоретические модели: макроредукционизм, микроредукционизм и мезоредукционизм [14, с. 10]. Такое обозначение теоретических подходов позволяет систематизировать существующие представления об обществе, соотнести их друг с другом в рамках достаточно четко определенной методологической схемы. Соглашаясь использовать в процессе номинирования названных подходов указание на редукцию

как метод познания, мы хотели бы избежать обвинений в навешивании ярлыков. Это опасение вызвано тем, что нередко в научном познании редукционизмом называют явное упрощение сложного, сведение целого лишь к частному его проявлению. Но поиск фундаментальных основ в множестве социальных явлений неизбежно приводит исследователей к сознательному упрощению многообразия проявлений социального, выделению в нем в качестве главного одного уровня. Свойства этого уровня распространяются специалистами на некую более или менее широко понимаемую целостность, порядок элементов которой презентуется в качестве социальной реальности, общества и т. п. В таком подходе есть свои плюсы и минусы. Выявить их – наша задача.

Макроредукционизм или макроподход – это подход, связанный с исследованиями, условно говоря, верхнего уровня социальности, то есть с макро-исследованиями (К. Маркс, О. Конт, Э. Дюркгейм, Т. Прасонс и др.). Его представители независимо от того, что они выбирают в качестве субстрата социальности, склонны рассматривать социальные явления как продукт объективных по отношению к индивидам сил. Предшествуя любому субъективному опыту, объективное социальное начало довлеет над индивидом, определяет его мышление и поведение. В рамках этих концепций общество проявляет себя как самостоятельная часть бытия: жестко организованная, имеющая фундаментальное основополагающее организующее начало, обладающее целостностью и стремящееся к стабильности своих форм.

Признание примата макроуровня влечет интерпретацию социальности как качества, проявляющегося в рамках функционирования коллектива или общества в целом, как некой объективной субстанции, детерминирующей поведение индивидов: способ производства, социальная роль, норма и т. п. Такой угол зрения позволяет говорить об обществе как о надиндивидуальной структуре, в которую интегрирован субъект. Он носитель детерминированных обществом программ, жестко задающих диапазон его действий и место в обществе.

Социальность здесь – признак, показывающий причастность субъекта к социальному целому, наделяющий его качествами этого целого. Как отмечает Т. Парсонс в рамках социального целого «понятие «части» приобретает абстрактный характер, поистине становится «фикцией»» [18, с. 79].

Своеобразную антитезу макроредукционизму составляют микроредукционистские теории, ориентированные на анализ продуцируемого индивидом социального поведения (М. Вебер, В. Дильтей, Э. Фромм, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Блумер и др.). В них фокус внимания смещается с социального целого на элементарные частицы общества, утверждается значимость в социальных процессах субъективного начала. Для таких субъективистских теорий социальные структуры, это скорее абстракции, чье конкретное содержание не предопределено, а зависит от активности совместно действующих субъектов. Так, например, у М. Вебера все социальные явления и структуры не более чем совокупность социальных действий. Целостность и структурность общества здесь лишены жесткости. Как видно, в рамках данного подхода в значительной степени происходит психологизация социальных явлений, на передний план выходит индивид с его внутренним миром, с его потребностями. Он активно творит условия собственной жизни, так как его поведение не детерминировано обществом. Онтологический характер общества здесь редуцируется к существованию субъекта и таким образом фактически утрачивается. В этой связи такие теории можно рассматривать как микроисследования, исследования нижнего уровня социальности. Их характеристиками становятся субъективизм и релятивизм. Общество здесь – комплекс произвольных взаимодействий, а социальность есть проявление внутренней интенции индивидов на вступление во взаимодействие с другими индивидами, способности их к творческому продуцированию разнообразных форм взаимодействий.

Таким образом, перед нами в полемике макроредукционизма и микроредукционизма одновременно развивается столкновение между объективистскими и субъективистскими подходами, чье противостояние уходит корнями в глубокую древность. Признавая за ними определенный эвристический потенциал, следует констатировать и их ограниченность, как следствие неизбежного упрощения и обеднения всего многообразия проявлений социального. Эта односторонность макро- и микроподходов осознавалась и самими представителями данных исследовательских программ. Многие из них пытались такую односторонность по возможности компенсировать. На это обращает внимание Дж. Ритцер, когда констатирует интерес к отдельным людям со стороны тех, кто посвятил себя в целом исследованию макроуровня социальности, и, наоборот, интерес специалистов в области микроуровня социальности к крупным общественным структурам. Он пишет: «Справедливо полагать, что Маркса интересует принудительное и отчуждающее влияние капиталистического общества на отдельных работников (и капиталистов). Центральный аспект теории Вебера – проблема трудного положения индивида в железных тисках сложившегося рационального общества. Зиммеля, главным образом, интересовали отношения между объективной (макро-) и субъективной (или индивидуальной, микро-) культурой. Даже

Дюркгейм исследовал влияние социальных фактов макроуровня на индивидов и индивидуальное поведение (например, самоубийство)» [19, с. 417]. Тем не менее, интерес к противоположному уровню, в конечном счете, подразумевал его рассмотрение в качестве производного, вторичного начала.

Констатация односторонности классических теорий не означает полного отказа от них, поскольку большинство современных исследователей общества при всем критичном отношении к предшественникам все же опирается на выдвинутые ими идеи. Положения, сформулированные предыдущим поколением специалистов, используются сегодня либо в качестве мировоззренческой основы (часто с приставкой нео-), либо в качестве объекта критики и отправной точки исследований (часто с приставкой пост-). Тем не менее, осуществляются постоянные попытки выработки новой стратегии в выборе средств полного и адекватного описания социальных явлений. И вызваны они не только осознанием ограниченности редукционистских подходов. Следует принять во внимание и тот факт, что ракурс восприятия социальных явлений претерпевает изменения вместе с переменами в самом обществе. Внимание исследователей закономерно акцентируется на том, что актуально сегодня, что накладывает свой отпечаток на рассмотрение общества и интерпретацию предшествующих периодов социального развития.

Совокупность происходящих сейчас социальных сдвигов артикулируется в концепте «информационное общество» (Ф. Машлуп, М. Маклюэн, Д. Белл, Е. Масуда и др.). Становление информационного общества отражает такой этап человеческой истории, для которого характерной чертой, интегративным качеством всех форм социальной деятельности оказывается знание, информация, ее распространение, ее влияние на жизнь людей. Ключевая роль информации ярко проявляет себя в кластерах технологической, социальной, экономической, политической и культурной активности. Все большее значение приобретает многократное ускорение в распространении информации и как следствие резкое усиление социальной мобильности, сокращение времени по преодолению пространства, стремительность в развертывании социальных процессов. Информатизация, по словам Г. М. Маклюэна, порождает «глобальную сеть, во многом похожую по своему характеру на нашу центральную нервную систему» [11, с. 5, 400]. Информация приобретает характер ценности, источника власти, превращается в разновидность капитала, в связи с чем в отдельных слоях культуры происходит даже фе-тишизация, мистицизация информации.

Закономерное усиление внимания к процессам циркуляции информации, переоценка ее роли актуализирует в неклассических социальных исследованиях (Ю. Хабермас, Н. Луман, К.-О. Апель и др.) и в постмодернистских теориях (М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийар и др.) коммуникативные аспекты общества. Коммуникации придается статус исходной социально-структурирующей силы, акцентируется внимание на таких ее характеристиках как взаимодействие, взаимозависимость, процессуальность. Такой взгляд на общество лишает его структуры жесткости, внутренней центрированности и строгой иерархичности.

Еще одной общей чертой, характерной для многих современных социальных теорий, становится приоритетность взгляда на общественные явления сквозь призму понятий знака, языка, текста, метафоры и пр. По мнению К.-О. Апеля, «язык стал общей проблемой почти всех школ и дисциплин» [1, с. 236]. Как отмечают В. А. Суровцев и В. Н. Сыров, «лингвистический поворот привел к переописанию концептов «язык», «текст», «дискурс», «сюжет» и т. д. в процессе расширения сферы их применения» [20]. Зачастую именно эти концепты представляются в качестве универсальных выразителей, носителей и трансляторов социального. Однако если первоначально происходило отождествление языковых и социальных структур (структурализм), то в дальнейшем их отношение было существенно переосмыслено (постструктурализм, постмодернизм). В версии постмодерна язык и текст вытесняют социальные структуры, лишают их бытийного статуса. В результате, как отмечает Дж. Ритцер, «постмодернистская социальная теория ... выступает отрицанием значительной части, если не всей, социологической теории» [19, с. 561].

Радикальный поворот в трактовке социальных явлений в рамках неклассических социальных теорий и в секторе постмодернистских интеллектуальных вариаций обнаруживает себя, прежде всего, в изменении отношения к самому понятию социальной реальности. Например, в постмодернизме эта категория, а вместе с ней и категории «социальное бытие», «общество» теряют смысл и репрезентативность. Социальная реальность заменяется реальностью «нарративно-дискурсивной», где конституирующая ее коммуникация понимается уже не как свойство или функция социальных отношений, а как «дискурсивно-речевая» практика [17, с. 34 – 35]. Эти методологические трансформации создают теоретические предпосылки к тому, чтобы идею общества как некой целостности, обладающей особыми сущностными характеристиками, полностью дезавуировать. Происходит десубстанционализация и виртуализация общества (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр). Как отмечает Д. В. Иванов, «в эпоху Постмодерн индивид погружается в виртуальную реальность симуляций и во все большей степени воспринимает мир как игровую среду, сознавая ее условность, управляемость ее параметров и возможность выхода из нее» [8, с. 40]. Не только общество, сама реальность, утрачивает свой онтологический статус, превращаясь в комплекс произвольно толкуемых дискурсов. Симуляция приобретает большую ценность, чем оригинал.

Представителями постмодернизма отрицается центроориентированность и жесткая структурная упорядоченность общества. Раньше в качестве такого центра, по наблюдению Ж. Деррида, могли выступать «эйдос, архэ, телос, энергейя, усия (сущность, субстанция, субъект), алетейя, трансцендентальность, сознание или совесть, Бог, человек и так далее» (цит. по: [5, с. 51]). Сегодня в качестве альтернативы такому центроориентированному взгляду на общество постмодернизм предлагает иной ракурс зрения – сквозь призму категории ризомы (Ж. Делёз, Ф. Гваттари), постулирующей ацентричность и аструктурность социального. Для постмодернистских учений характерен также антибинаризм, отрицание любой двоичной теоретической схемы, в рамках которой один элемент выступает в качестве доминирующего и системозадающего, а второй в качестве подчиненного

объекта реализации творческого импульса первого элемента. Эта идея в свою очередь становится предпосылкой переосмысления характера отношений между обществом и человеком как объективной и субъективной реальностей. При таком подходе говорить об обществе в категориях бытия, целостности, моноструктурности, стабильности, то есть, в конечном счете, как об объективной по отношению к индивиду реальности *sui generis* (своеобразной), второй природе становится затруднительно. Формируется видение общества как виртуальной, хаотичной, фрагментированной реальности, находящейся в состоянии перманентного становления. Сама категория общества воспринимается как конструкт, смысл которой не имеет однозначно определенной корреляции с реальностью. Постулируя ускользящий характер социального, Ж. Бодрийяр пишет: «Масса не обладает ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией. Именно в этом состоит ее определенность, или радикальная неопределенность. Она не имеет социологической «реальности»» [2].

Однако вместе с отрицанием онтологичности общества в постмодернизме отрицается и факт бытия социального субъекта как источника социальной активности и творчества. Подвергается сомнению способность человека отдавать отчет в своей деятельности, быть познающим, созидающим началом. Он трактуется в качестве безличного носителя языковых алгоритмов, элемента текста, среды схождения и функционирования дискурсов. В результате субъект лишается собственной сущности, внутренней цельности, определенности (М. Фуко, Р. Барт, Ю. Кристева и др.). «Как может человек – вопрошает М. Фуко, – быть той жизнью, чьи сплетения, биения, скрытая сила выходят далеко за пределы того опыта, который ему непосредственно дан? Как может человек быть тем трудом, требования и законы которого давят на него как внешнее принуждение? Как может он быть субъектом языка, который образовался за тысячелетия до него и без него, система которого от него ускользает...?» [21, с. 344]. Способность индивида к рациональной и самостоятельной социальной деятельности с точки зрения постмодернизма также отвергается. Активность человека при таком подходе подчиняется импульсам коллективного бессознательного, векторам циркуляции коммуникации и информации, хаотичным комбинациям стилей и контекстов.

Таким образом, во многом под влиянием идей постмодернизма социальная теория лишается четкости своих исходных категорий: субъекта и объекта. Нивелируется их противоположность, подчеркивается их искусственность и условность, расширяется круг значений их интерпретаций. Так, в рамках сетевых теорий в качестве актора начинают осмысливаться и фигурировать в равной мере и люди и «не-люди» [12]. Происходит десубъективизация, но одновременно и деобъективизация социальных явлений [15]. В результате повышения интереса «к взаимосвязи между действием и структурой» [19, с. 416] микро- и макроредукционизм постепенно утрачивают твердость своих оснований.

Конечно, трудно сказать, в какой степени подобные идеи соответствуют культурным тенденциям предшествующих эпох, но представляется, что жизнь наших предков – их мысли, поступки – как раз вы-

страивалась вокруг бинарных категорий, так критикуемых постмодернизмом. Да и в XX – начале XXI вв. говорить о непреложности теоретических обобщений постмодернизма не приходится. Альтернативное ему модернистское видение социального по-прежнему сохраняет свой эвристический потенциал. Ситуация такова, что современный исследователь в поиске эффективных методологических оснований изучения социальности полностью игнорировать постмодернистский проект не может, но и целиком его признать – отказывается.

Восприятие постмодернистской критики, желание преодолеть крайности прежних редуционистских методологических моделей сказались на развитии неклассических программ по изучению общества. Основными путями выхода из методологического тупика, как замечает Дж. Ритцер, стали попытки объединить микро- и макро подходы в рамках интегративной теории либо стремление зафиксировать и актуализировать взаимосвязь между полярными научно-исследовательскими программами социального анализа [19, с. 444 – 445]. Еще раньше Р. Мертон, исследуя проблемы соотношения масштабных социальных теорий с задачами эмпирического анализа, пришел к необходимости формирования «теорий среднего уровня» [16, с. 99 – 100]. По его мнению «такого рода теория выходит за рамки различий между микросоциологическими проблемами, что видно из исследования малых групп, и макросоциологическими проблемами, что видно из сравнительного изучения социальной мобильности и официальных организаций и взаимозависимости социальных институтов» [16, с. 99 – 100]. Тенденция к преодолению ограниченности микро- и макроподходов привели к пересмотру отношений социальных явлений различного порядка и способствовали выдвижению новой области социального анализа, наличие которой могло бы показать связь между уровнями социальности или даже их единство.

Новые концептуальные решения породили формирование теорий, представляющих собой попытки тем или иным образом объединить противоположные взгляды на общество. Именно с ними связано появление еще одного подхода к изучению социальных явлений – мезоредукционизма (др.-греч. μέσος – средний). Составляющие его содержание концепции, претендуют на снятие ограничений и противоречий, порожденных объективистским и субъективистским подходами. Именно они декларируют готовность творчески переработать классическое наследие, принимая во внимание позиции постмодернизма, но сохраняя по отношению к ним дистанцию. В этом, безусловно, проявляется желание реабилитировать в том или ином виде представление о социальной реальности, обосновать возможность ее научного познания. В результате привнесенные постмодернизмом понятия нередко претерпевают корректировку, сближаются с привычными категориями. Так, понятие дискурса начинает использоваться в современных социальных исследованиях в качестве сопоставимого эквивалента идеологии (С. Жижек, М. Пешё), инструмента непредвзятой познавательной деятельности, передачи информации (Ю. Хабермас, М. Л. Макаров). Происходит и реабилитация субъекта в качестве творца социальности (А. Турен), социальной структуры (П. Бурдьё).

Стремление сблизить значения постмодернистских концепций с понятиями классической социальной науки во многом связано с тем, что сам постмодернизм оказался несвободен от тех черт, которые он критиковал, в частности от бинаризма, являющегося по мнению ряда исследователей неизбежным качеством бытия и мышления человека [3]. Правда, в постмодернизме эта бинарность понимается менее однозначно и непреложно чем в модернистском проекте. Кроме того приходится констатировать, что постмодернизм не смог выдвинуть положительной альтернативы классическим теориям, которые оказались в фокусе его критики. Исследования, объединяемые понятием «постмодернизм», не составили того единства, которое бы позволило, говоря словами И. Лакатоса, сформировать «научно-исследовательскую программу» или выражаясь словами Т. Куна «парадигму». Их ценность состоит в том, что они, образно выражаясь, схватили и усилили «дух времени», особый характер переломной эпохи, для которой квинтэссенцией смысла стали категории «кризиса», «надлома», «перехода». В результате экспансии постмодернистских воззрений, классические мировоззренческие ориентации, сохранив в глазах специалистов свое значение, лишились непроницаемости и однозначности, стали предметом новых интеллектуальных комбинаций.

Качественно иной, новый подход при рассмотрении общества в современных социальных теориях, в том числе и ориентированных на выделение мезоуровня, усматривается уже в трансформации тезауруса исследований. Примечательно, что само понятие общества, подразумевающее некую целостность и субстанциональность, все чаще заменяется понятием социального или социальности. Предполагая широкий диапазон значений, оно открывает большие возможности для установления взаимосвязей объективного и субъективного, индивидуального и надиндивидуального. Это связано с тем, что коннотации социальности не носят строго фиксированного характера, но при этом концентрируют внимание исследователя как на аспекте взаимодействия индивидов, так и на тех нормативных основаниях, которые образуются в результате этого взаимодействия. Сама социальная структура при этом рассматривается как явление, обладающее имманентным бытию индивидов характером. Иначе говоря, с одной стороны, использование этой категории при одновременном признании ускользающего характера объекта исследования его мозаичности, отсутствия внутренних констант, центрального стержня или основы, позволяет избежать чрезмерной субстанционализации социальных явлений. С другой стороны, ее применение дает возможность зафиксировать некую подвижную матрицу, регулятивное начало, лежащее в основе того, что принято называть социальным бытием.

Несмотря на распространенность в современных исследованиях понятия «социальность», единого мнения о его значении нет. Диапазон его интерпретаций весьма широк. В ряде случаев это понятие трактуют как взаимообусловленность «индивидуального («атомарного», «ядерного») бытия людей, с одной стороны, и над-индивидуальных структур социальной статики и социальной динамики, с другой» [6, с. 996 – 997]. В ином контексте социальность, по сути, отождествля-

ется с установкой на жизнь в коллективе, неким стадным инстинктом близкому к животному [10, с. 44 – 46]. Распространено отождествление социальности с социальным опытом (навыком), с присущей ему совокупностью «приобретенных человеком качеств, обеспечивающих его способность существовать в обществе и выполнять разнообразные социальные функции в составе различных групп, выступая при этом не в роли суверенной личности, а выразителем интересов данной общности» [7]. В этом случае понятие «социальность» сочетается с понятием «социальная роль», которая может быть истолкована как в объективистском ключе (Т. Парсонс) так и в субъективистском (Дж. Мид). Только в теориях среднего уровня она понимается менее жестко, чем это делается у Т. Парсонса, и менее релятивно, чем у Дж. Мида.

Сам по себе разбор значений социальности, который мы находим в различных исследовательских подходах, свидетельствует о неоднозначности изучаемого явления. Такую нечеткость в трактовке социальности можно рассматривать и как утверждающийся в социальных исследованиях принцип плюрализма. Он позволяет сформулировать в соответствии с конкретными задачами познания собственную модель социальности, либо свободно использовать имеющиеся теории, переходя при необходимости от одной трактовки к другой или даже объединяя их. Принципиально плюралистичный взгляд на вещи, наложивший свой отпечаток и на социально-философские программы исследования социальности, получил распространение во многом благодаря постмодернистским теориям, и был учтен авторами теорий среднего уровня (Ю. Хабермас, Н. Луман, Э. Гидденс, П. Бурдьё и др.). Во всех них делается акцент на компенсации избыточной жесткости объективистских теорий и крайнего волонтаризма субъективизма. Средний уровень социальности мыслится в качестве сферы взаимодействия объективного и субъективного начал, как интегративная промежуточная область, в которой содержание духовного мира человека вступает в сращивание с социальными надындивидуальными формами. Следовательно, в теориях среднего уровня большое внимание уделяется процессуальности социальности, процедурам взаимоперехода субъективного и объективного, микросоциального и макросоциального, механизмам включения индивидов в функционирование коллективов, закономерностям самовоспроизводства социальных структур, сочетаниям индивидуального и надындивидуального.

Само понятие социальной структуры претерпевает изменения, теряя свою одномерность. На смену пониманию общества как конгломерата атомарных явлений или, наоборот, институционализированной системы, где «институционализация означает некоторый порядок интеграции частного нормативного комплекса в более общий комплекс, управляющий системой в целом на нормативном уровне» (Т. Парсонс) [18, с. 705], приходит взгляд на общество как на сеть (М. Кастельс, Б. Уэлман, М. Грановеттер, Р. Берг и др.). Общество в таком ракурсе видится как система, состоящая из «культурно обоснованных процессов коммуникативных взаимодействий» (цит. по: [12]), где «культура и структура, язык и отношения связей (relational ties) смешаны в социокультурном окружении» [12]. Сеть при этом рассматривается

не только как репрезентант социальности, но как адекватное средство описания современного состояния общества. М. Кастельс пишет: «индивидуумы фактически реконструируют модель социального взаимодействия, используя появившиеся технические возможности и имея своей целью создание нового типа общества: сетевого общества» [9, с. 160].

В теориях среднего уровня повествование выстраивается таким образом, что границы противостоящих социальных уровней стираются, а различные компоненты социальности образуют единый континуум. Благодаря этому мезоредукционистские теории в их стремлении избежать крайностей могут рассматриваться в качестве интегративных. Релевантными категориями, центрирующими внимание на связях разноуровневых социальных явлений, становятся понятия коммуникаций (Ю. Хабермас, Н. Луман), дискурсивных интеракций и дискурсивных практик, а также соответствующих им социальных практик (М. Фуко, Э. Гидденс, П. Бурдьё). Так, в интерпретации Э. Гидденса практики выступают как «рекурсивно организованные наборы правил и возможностей» (ресурсов) (цит. по: [19, с. 477]). Он утверждает: «С одной стороны, правила относятся к производству значений, а с другой – к санкционированию способов социального поведения» [4, с. 61]. Как видно, здесь практическое действие, диалектически взаимосвязанное со структурой, смыкается с дискурсом как формой описания и самопрезентации действия. «Дискурсивное выражение правила является его интерпретацией и ... способно само по себе видоизменять форму его проявления», – пишет Э. Гидденс [4, с. 66].

Несмотря на перспективность и распространенность теорий среднего уровня, следует признать, что и они признаются исследователями разновидностью редукционизма, требующего со временем своего преодоления. «Новая методология, – отмечает О. С. Мантуров, – должна неизбежно быть антиредукционистской, ... не сводящей ее к каким-либо проявлениям социального бытия. Неизбежное ускользание социальности позволяет говорить о ней не как о чем-то целом, едином, а как о сети взаимообусловленных существованием друг друга гетерогенных сообществ» [13, с. 26]. В свою очередь Дж. Ритцер, подводя итог своего анализа социальных теорий, отмечает: «в реальности социальный мир не разделен на уровни. Социальную реальность, в сущности, лучше всего рассматривать как огромное множество социальных явлений, вовлеченных в непрерывное взаимодействие и изменение» [19, с. 573]. Однако, на наш взгляд, исследователю при анализе конкретного общественного явления вряд ли полностью удастся избежать акцента на значении какого-то одного аспекта социальности. Сам Дж. Ритцер, анализируя интегративные теории, отмечает, что их авторы невольно сохраняют тяготение к выделению микро- или макроуровня в качестве базового. Декларирование интереса к исследованию, прежде всего, мезоуровня так же как и в случае с микро- и макроредукционизмом является методологическим упрощением. Вопрос о создании теории способной преодолеть крайности редукционистских подходов остается открытым.

Итак, макроредукционизм, микроредукционизм, да и мезоредукционизм суть лишь варианты редукционизма. Однако сравнивая их между собой, следует при-

знать, что уровень мезоисследований представляется по сравнению с другими более приемлемым, так как отчасти компенсирует их крайности. Мезоредукционистский исследовательский проект может с определенными оговорками рассматриваться в качестве методологической основы изучения социальности. Однако более перспективным все же видится сочетание всех трех рассмотренных подходов в рамках интегративной познавательной программы. То, что недостатки редукционизма предполагается преодолеть через применение редукционистских подходов, правда, в их конгруэнтном взаимодей-

полнении кажется парадоксальным, но представляется весьма возможным. Здесь крайности и недостатки каждого из подходов компенсируются комплексностью в их применении. Именно эта комплексность оказывается отправной точкой одновременного признания идей альтернативных социальных теорий, осуществления поиска точек их соприкосновения. Именно такой плюралистичный подход к изучению социальных явлений, в конечном счете, и способен помочь в преодолении ограниченности используемых в настоящее время теорий социальности.

Литература

1. Апель, К.-О. Трансформация философии / К.-О. Апель; пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. – М.: Логос, 2001. – 344 с.
2. Бодрияр, Ж. В тени молчаливого большинства / Ж. Бодрияр // Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/125>
3. Воробьева, Е. Ю. Бинарность и ее архитипические основания: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. / Е. Ю. Воробьева. – Омск, 2005. – 130 с.
4. Гидденс, Э. Устройство общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
5. Можейко, М. А. Ацентризм / М. А. Можейко // Всемирная энциклопедия: философия XX век; гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М.: АСТ; Минск: Харвест: Современный литератор, 2002. – С. 51 – 52.
6. Грицанов, А. А. Социальность / А. А. Грицанов // Всемирная энциклопедия: философия; гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М.: АСТ; Минск: Харвест; Современный литератор, 2001.
7. Зорин, В. Социальность / В. Зорин // Евразийская мудрость от А до Я, толковый словарь. – Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/470/word/socialnost>
8. Иванов, Д. В. Виртуализация общества / Д. В. Иванов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 96 с.
9. Кастельс, М. Галактика. Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
10. Круглов, А. Социальность рациональная и «зоологическая» / А. Круглов // Психологос. Энциклопедия практической психологии. – Режим доступа: http://www.psychologos.ru/articles/view/socialnost_racionalnaya_i_zoologicheskaya
11. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн. – М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц.: Кучково поле, 2003. – 464 с.
12. Мальцева, Д. В. О современных сетевых теориях в социологии / Д. В. Мальцева, Н. В. Романовский // Социс. – 2011. – № 8. – С. 28 – 37.
13. Мантуров, О. С. Альтернативные модели структурирования социальности / О. С. Мантуров // Известия Уральского государственного университета. – 2011. – № 2(91).
14. Мантуров, О. С. Проблема структуры общества в социальной теории XX века: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / О. С. Мантуров. – Екатеринбург, 2012. – 25 с.
15. Маркова, Л. А. Постмодернизм в науке, религии и философии / Л. А. Маркова // Постмодерн. – Режим доступа: <http://postmodern.in.ua/?p=1013>
16. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
17. Никитина, В. В. Постмодернистская трактовка проблемы социальности / В. В. Никитина // Вестник международного славянского университета. – Харьков, 2007. – Т. 10. – № 1.
18. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2002. – 880. с.
19. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
20. Сыров, В. Н. Метафора, нарратив и языковая игра. Еще раз о роли метафоры в научном познании / В. Н. Сыров // Любомудр. – Режим доступа: <http://любомудр.рф/index.php/stati/78-metafora-narrativ-i-yazykovaya-igra-eshche-raz-o-rol-i-metafor-y-v-nauchnom-poznanii>
21. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994. – 407 с.
22. Хайек, Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. А. Хайек. – М.: Новости: Catallaxy, 1992. – 304 с.

Информация об авторе:

Гаврилов Евгений Олегович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (г. Новокузнецк), 8-908-959-46-82, Gavrilich@yandex.ru.

Evgeniy O. Gavrilov – Candidate of Philosophy, Senior Lecturer at the Department of Civil and Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitary System of Russia, Novokuznetsk.

Статья поступила в редколлегию 19.11.2013 г.